

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

УДК 372.882.161.1 ББК 4426.839(=411.2)+Ю985.44

М. А. Алексеева
Екатеринбург, Россия

ПСИХОЛОГИЗМ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»: ОПЫТ ШКОЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются приемы психологизма в романе И. А. Гончарова, рассматриваются сны, мечты, рассуждения героев, которые вместе с «телесными» проявлениями психики становятся средством раскрытия авторской позиции. Предлагается оригинальная логика интерпретации ключевых эпизодов романа.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, роман «Обломов», психологизм, чтение классики, авторская позиция, логика характера героя.

M. A. Alekseeva
Yekaterinburg, Russia

PSYCHOLOGISM IN THE GONCHAROV'S NOVEL «OBLOMOV»: EXPERIENCE OF SCHOOL INTERPRETATION

Abstract. The article deals with the interpretation of novel "Oblomov" in school practice. Dreams and thoughts of heroes together with drawing of gestures become means of disclosure of an author's position.

Keywords: I. A. Goncharov, "Oblomov", psychologism, reading classics, author's position, character of the hero.

Пагубной моде на освоение литературного текста в режиме «Все произведения ... в кратком изложении» мы можем противопоставить кропотливую работу с художественным словом, которая позволит ученикам почувствовать очарование истинного произведения искусства.

Несмотря на то, что составители школьных программ предлагают лишь обзорное изучение романа «Обломов», именно это произведение дает старшеклассникам возможность задуматься над проблемой самоопределения, проблемой выбора жизненного пути, найти выражение для своей формулы смысла жизни. Впрочем, глубокое и пристальное внимание русской классики и литературы в целом к идейно-нравственным исканиям героев, к проблеме становления характера и мировоззренческих основ личности – естественно и закономерно.

Как показывает опыт, подростки обычно не проявляют искреннего интереса к образу заглавного героя романа, обличают его за лень и безволие, не видят богатого внутреннего мира. Следуя концепции Н.А. Добролюбова, утверждают, что героя погубило «нравственное рабство и барство» – «обломовщина», но при этом не видят многозначности этого слова.

С этой точки зрения становится возможным при изучении романа «Обломов» поставить во главу угла такую стилистическую доминанту, как *психологизм*. Это даст возможность, с одной стороны, сохранить «вкус» работы с текстом как с произведением искусства, а с другой стороны, – актуализировать психологические смыслы, связанные с проблемой самоопределения человека, осознанием уникальности жизненного предназначения, с выбором жизненного поприща.

По определению А.Б. Есина, психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изобра-

жение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы [Есин 2003: 12].

Мы вправе говорить о психологизме романа И.А. Гончарова, так как психологическое изображение становится для автора основным способом создания и познания характера.

Особенность психологического стиля И.А. Гончарова исследователям видится в гармоничном сочетании изображения характера «изнутри» при посредстве изображения снов, мечтаний, раздумий и психологической интерпретации речевого, мимического, «телесного» проявлений психики [Страхов 1973: 4].

Автор при этом выступает в роли всевидящего и всезнающего наблюдателя, для которого, кажется, нет тайн во внутреннем мире персонажей, который анализирует даже такие движения мысли и чувства, которые не являются очевидными для героев, потому что находятся вне сферы их сознания.

Погружаясь вслед за автором в психологическую среду произведения, мы постигаем процессы духовной и душевной жизни главных героев романа. Развернутый авторский комментарий психологических состояний и переживаний дает возможность для точного изображения и глубокого исследования внутреннего мира героев.

В центре нашего внимания оказываются сны и видения героев, их мечты и думы о жизненном поприще.

Первый урок знакомства с текстом: «Сны и явь»

Основной прием работы – комментированное чтение «увертюры всего романа» – знаменитого сна Обломова (IX глава 1 части). Поскольку этот эпизод

рассматривается всеми интерпретаторами текста, обратим внимание только на некоторые детали, принципиально важные для анализа формирования устойчивого психического состояния и характера заглавного героя.

Очень подробно в указанной главе изображены процессы пробуждения и засыпания Ильи Ильича. Погружаясь в сон, Обломов, по обыкновению, впадает в глубокую думу, но данный момент обозначен не как привычное для него дремотное наслаждение мечтой, а как «одна из ясных, сознательных минут в жизни». Обращаем внимание на то, что «Обломов даже *высунул голову из-под одеяла*» (курсив наш – М.А.). Когда горький и страшный момент самоанализа завершается, а Обломов так и не находит ответа на вопрос, какой тайный враг помешал ему «ринуться на поприще жизни», он почти со слезами спрашивает: «Отчего я такой?» – и снова *прячет голову под одеяло*. В эту минуту он напоминает маленького ребенка, которого что-то испугало до слез и который ныряет под спасительную теплую защиту, прячась от всех бед мира.

О халате Обломова – психологической детали, демонстрирующей любовь к уютному и спокойному существованию, сказано много, но стоит заметить, что одеяло Обломова – это «детский» вариант халата. Вспомним, что последний эпизод сна Обломова заканчивается тем, что четырнадцатилетнего Илюшу «... укутали в захваченный тулуп, потом в отцовскую шубу, потом в *два одеяла* и торжественно принесли на руках домой» [Гончаров: 112]. А гораздо позже Агафья Пшеницына любовно кроит и простегивает *одеяла и халат*, «... скромно награждая себя мыслью, что халат и одеяла будут облекать, греть, нежить и покоить великолепного Илью Ильича» [Там же: 365]. Эти мягкие вещи словно хранят тепло материнской заботы и любви, поэтому Обломову так сложно расстаться с ними.

Во время самого сна перед нами несколько раз разворачивается движение от утреннего пробуждения к вечернему засыпанию. Время словно движется по кругу. Ритм жизни Обломова подчинен циклу смены дня и ночи. Это – «малый круг» жизни. Если заметить, что любимым занятием взрослого Обломова будет созерцание заходящего солнца, можно предположить, что он так и не покинул границ этого магического круговращения.

Циклично время не только маленького Обломова. Круг жизни его семьи и родственников подчиняется чередованию трех главных актов жизни: родин, свадьбы, похорон. Все обряды по этой программе исполняются важно и торжественно, с пугающе-неотвратимой точностью.

Наконец, правильному и невозмутимому движению годового круга подчиняется жизнь природы и связанного с ней полумифического для маленького Обломова крестьянина. Весной крестьянин «радушно скидывает полушубок», зимой, выйдя на минутку из избы, «воротится непременно с инеем на бороде», а летом он «радушно приветствует дождь».

Жизнь всей Обломовки подчинена космическому ритму солярного движения. Это, как показал М. Элиаде, – признак мифологического, архаичного

мышления. Жители Обломовки не причастны времени историческому, они ощущают себя «неразрывно связанными с космосом и космическими ритмами» [Элиаде: 29].

Во сне Обломова время течет с разной скоростью. Сначала оно словно замедляет бег. Подробно представлен день семилетнего мальчика, для которого время тянется очень медленно, оно перенасыщено размышлениями и наблюдениями: «*Задумывается ребенок и все смотрит вокруг... Детский ум наблюдает все совершающееся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним... Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимательного ребенка... А ребенок все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом*» [Гончаров: 89]. Самостоятельная активная жизнь ребенка начинается тогда, когда все вокруг проваливаются в блаженный послеобеденный сон. Тогда ритм жизни резко ускоряется: ребенок *убегал* от няни, *взбегал* на галерею, *обегал* по скрипучим доскам кругом, *лазил* на голубятню и т.д. Мальчик «жить торопится», пока его устремления не контролируются окриками и запретами.

Основное чувство, испытываемое маленьким Обломовым, – страх. Путешествие к границе мира заканчивается на краю оврага, где Обломова «*объял ужас*», и он, дрожа от страха, мчится к спасительной няньке. Вечером Илюша собирается гулять, но мать останавливает его страшными фантазиями о лешем. Няня рассказывает сказки о героях и красавицах – ребенок, объятый «*неведомым ужасом*», жмется к ней со слезами на глазах». «*Волосы ребенка трещали на голове от ужаса*; детское воображение то застывало, то кипело; он испытывал мучительный, сладко болезненный процесс; нервы напрягались, как струны» В результате, как замечает автор, «... *боязнь и тоска засели надолго, быть может, навсегда в душу. Он печально озирается вокруг и все видит в жизни вред, беду, все мечтает о той волшебной стране, где нет зла, хлопот, печалей, где живет Милитриса Кирбитьевна, где так хорошо кормят и одевают даром*» [Там же: 95].

Пребывание под сладким игом сна и сказки приводит к тому, что ребенок стал бояться жизни, и этот страх уже не смог никогда преодолеть. Обломов – «осколок» архаического мира легенд и мифов, он – человек тех туманных времен, когда царствовали чудеса. Не случайно в сон Обломова автор включает размышления о давно миновавших временах: «Страшна и неверна была жизнь тогдашнего человека, терялся слабый человек, с ужасом озираясь в жизни».

Интерпретируя сон героя, мы приходим к выводу: сон показывает нам процесс формирования душевного мира Обломова. Это мир, в котором царствуют страхи, где единственная надежда – на защиту сказочного богатыря или няни. Это мир, населенный тенями мифов и снов. В этом мире нет места активным движениям и действиям: беготне, игре, шуму. В бесконечной череде повторяющихся ритуалов и обрядов, главными из которых являются обед и сон, обесценивается время, устанавливается «по-

стоянное настоящее» мифа, лишенное категорий становления и историзма. Обломов навсегда застывает между историческим и мифологическим временем, между реальностью и сказкой, движением и покоем.

Жизнь Обломова становится попыткой освободиться от чар сна, вырваться из круга чередований рассветов и закатов. Это будет сделать очень сложно. Сон не захочет отпускать героя. Вспомним эпизод, когда верный Захар не может добудиться своего барина, а тот «с трудом открывает один глаз, из которого выглядывал паралич».

Обломов начнет видеть другие сны, более легкие, когда в его жизни появится Ольга Ильинская, но Гончаров не будет подробно передавать содержание сновидений, ограничившись кратким замечанием, что Обломову снятся цветущие сады.

Круг жизни Обломова завершится, когда он, уже живя на Выборгской стороне, погрузится в «неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации», которое возвратит его в пространство сна. (Не случайно IX глава четвертой части романа симметрична IX главе первой части.) Он снова увидит молчаливо шагающего по комнате отца, сидящую за шитьем мать, снова услышит чуть дребезжащий голос няни, почувствует дуновение того же ветерка. «Настоящее и прошлое слились и перемешались», – заметит Гончаров. Время останавливается. Мир сновидения властно зовет к себе, и даже появление Штольца ненадолго возвратит Обломова к жизни.

Стоит заметить, что в романе представлены так развращено и подробно только сны Обломова. Автор отказывает Штольцу в возможности видеть сны, как будто сновидения – прерогатива исключительно обломовцев.

В истории Штольца только один раз мелькнет воспоминание детства. Когда он добьется согласия Ольги стать его невестой, взором души он увидит смутное видение: «В его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяции Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы под пудрой» [Там же: 329]. Обратим внимание на то, что любовь в душе Штольца отзовется звучанием музыки.

О снах Ольги Ильинской мы узнаем очень немного: «В снах тоже появилась своя жизнь: они населились какими-то видениями, образами, с которыми она иногда говорила вслух... они что-то ей рассказывали, но так неясно, что она не поймет, силится говорить с ними, спросить, и тоже говорит что-то непонятное» [Там же: 186]. Это описание включено в IX главу второй части романа, когда начинает разворачиваться роман Обломова и Ольги, и душа ее пробуждается, начинается процесс самопознания. Сны Ольги так смутны и неопределенны, потому что неясен лепет ее души. Ольга еще не умеет прислушиваться к себе, поэтому ей и снятся неясные речи.

Подводя итоги первого занятия, мы можем констатировать, что сны хранят мир детства в бессознательном поле души героев. Сознательная жизнь заполнена думами и размышлениями, построением жизненных планов.

Второй урок: «Жизненные планы»

На этапе подготовки к восприятию и анализу текста мы обращаемся к первым страницам романа, к портретной характеристике Обломова, в которой сразу заявлен контраст между отсутствием «определенной идеи» и «открыто и ясно светящейся в каждом движении души».

Используя прием медленного чтения, прогнозируем содержание текста на основании работы с одной фразой, с одним предложением. Наша задача – организовать диалог с текстом, извлечь из него «скрытые вопросы», в процессе размышления над страницами романа найти на них ответы. Прием медленного чтения позволяет «расшифровать» смысл фразы, обратить внимание на особенности построения предложения, на ключевые слова, в идеале – формирует культуру чтения художественного произведения.

Внимательно прочитаем следующий фрагмент: «Если на лицо набезала из души туча заботы, взгляд туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга; но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте» [Гончаров: 7]. Обращаем внимание на ритм фразы, на интонации, пытаемся уловить «дыхание» текста. Составляем рассказ по фразе, думаем, что может вызывать тревогу героя? Испуг? Печаль? Как характеризует героя отсутствие определенной идеи? Почему тревога разрешается вздохом? Что такое апатия? Чем она отличается от дремоты?

В процессе неспешного осмысленного чтения текст раскрывает перед внимательным читателем свои тайны.

Мы понимаем, что истинная жизнь души героя – в его размышлениях и раздумьях. Многочисленные посетители и Захар отвлекают от этого важнейшего процесса. Суетливая безотня по театрам или стремление сделать карьеру, с точки зрения Обломова, недостойны Человека. Своих гостей Обломов провожает похожими репликами: «Несчастный! Где же тут человек?!» Волков, Судьбинский, Пенкин заняты погоней за фантомами, в то время как настоящая жизнь есть только там, где есть простор чувствам и воображению. Чтобы постичь тайны Человека, не обязательно вставать с дивана, поэтому Обломов лежит, зеваает, потягивается – и думает. «Он вознамерился подумать хорошенько...»; «...погруженный в задумчивость, он не заметил Захара»; «...продолжал лежать и думать...», «Обломов погрузился в размышления...», «Захар ушел, а Обломов стал думать»...

О чем думает Обломов? Не щадя сил и считая себя великим творцом и исполнителем своих идей, он придумывает себе достойную роль на жизненном поприще. Воображает себя то великим полководцем, то властителем дум, но главное – он «рисует в уме узор своей будущности». Большую часть узора занимает новый, свежий, сообразный с потребностями времени план устройства имения и управления крестьянами.

Жизненные планы героя – устойчивый предмет изображения автора. При этом Гончаров всегда показывает фрагменты «жизненного узора» Обломова живописно-статичными: вот дом, вот мебель и ковры, вот цветники, вот чайный стол на террасе, вот сам хозяин с длинной трубкой, хозяйка в чепце. Конечно, вспоминается гоголевский Манилов. Действительно, Гончаров использует гоголевские принципы создания образа и характера персонажа. Но рядом с героями поэмы Гоголя Обломов кажется более глубоким и объемным. Этого эффекта автор достигает с помощью использования приемов психологизма.

Илья Ильич любовно продумывает свою будущую жизнь до мельчайших подробностей, и в этом самозабвенном фантазировании он тоже похож на ребенка, мечтающего о безоблачном счастье. Мечты Обломова поэтичны и музыкальны, в них звучат веселые голоса, раздаётся приятный звон хрустала, и даже роняющий вилки и стаканы Захар не может нарушить величавого покоя бытия.

В этом идеальном мире практически отсутствует движение: *«Вдали желтеют поля, солнце опускается за знакомый березняк и румянит гладкий, как зеркало, пруд; с полей восходит пар; становится прохладно, наступают сумерки...Туман, как опрокинутое море, висит над рожью»* [Там же: 141]. Несмотря на то, что фраза насыщена глаголами, нет ощущения динамики, картина статична, движения едва уловимы, продлены во времени. Чтобы заметить, что становится прохладно и наступают сумерки, нужно наблюдать за изменениями в природе не одно мгновение, но в пейзаже, судя по всему, ничего не меняется, все так же восходит пар и желтеют поля. Крестьяне, толпами возвращающиеся домой, кажутся нарисованными, ненастоящими, безмолвными. В мечтах Обломова время так же замедляется, как и в его снах.

Самую подробную и яркую картину мечты Обломова развернет перед Штольцем. Изображение земного рая исполнено покоя и гармонии: река *«чуть плещет»*, колосья *«волнуются от ветерка»*, жена *«едва поднимет весла»*, воз с сеном *«проползает»*. Движения замедленные, едва ощутимые. Только очень чуткий и отзывчивый человек способен их уловить. Картины, созданные воображением героя, сентиментально-романтичны и напоминают по настроению элегии В.А. Жуковского.

В мечтаниях своих Обломов тихо и задумчиво идет по саду, слушает, как бьется и замирает сердце, считает минуты счастья, как биение пульса. Биение сердца едва ли не самый громкий звук в этом мире. Послушная этому ритму, разворачивается музыкальная поэма, давно сложившаяся в душе героя. В этой гармоничной картине почти нет слов, разговоры и чтение вслух только упомянуты, бесценное всего оказывается молчаливое «фраздумье наслаждения». Главная составляющая счастья – ощущение сладкого, плавного течения реки, отражающей бесконечно разнообразные узоры неба. Обломов зачарован своей мечтой, убаюкан ею.

Обаятельным чарам мечты Обломова подчиняется на какое-то мгновение даже Штольц. Он назы-

вает своего друга поэтом и философом, радостно хохочет вместе с ним, просит не отвлекаться и рассказывать. А потом внезапно произносит приговор: «обломовщина».

Постепенно в мечты Обломова проникает проза жизни. Интересно сопоставить два эпизода, когда Обломов мечтает о свадьбе с Ольгой Ильинской. Сначала он видит очень изящную, поэтичную картину: *«Но женитьба, свадьба – все-таки это поэзия жизни, это готовый, распустившийся цветок. Он представил себе, как он ведет Ольгу к алтарю: Она – с померанцевой веткой на голове, с длинным покрывалом. В толпе шепот удивления. Она стыливо, с тихо волнующейся грудью, с своей горделиво и грациозно наклоненной головой, подает ему руку и не знает, как глядеть на всех...»* [Там же: 229]. Но когда эта же сцена предстанет перед внутренним взором Обломова во второй раз и он «увидит» в толпе грубого, неопрятного Захара, дворню Ильинских, чужие лица, то он испытает недоумение и разочарование: «краски не те».

Мечты и думы Обломова постепенно блекнут, линяют, теряют краски, как и положено шедевру живописи или вышивкам. Думы становятся более прозаичными, в них начинает звучать тема денежных займов, где-то на периферии мечты вдруг является Штольц, который «дорогу проведет, мостов настроят, школы заведет».

Почему изменился настрой мечтаний и дум Обломова? Сыграло ли свою роль ядовитое слово «обломовщина», проникшее даже в сны? Или трудности реальной жизни затмили радужные картины беззаботного счастья? Или Обломов окончательно уверился в собственной несостоятельности? Процесс угасания идиллических мечтаний закономерен, но Обломов не может, подобно Штольцу, выйдя из пространства детских грез, реализовать себя в динамичном историческом времени. Прощание с детскими иллюзиями для героя, так и не ставшего взрослым, равносильно смерти. Перестав мечтать, Обломов перестает жить.

Интересный материал для размышлений может дать сопоставительный анализ мечтаний Обломова и Штольца. (Можно создать портрет человека, не умеющего мечтать, и посмотреть, насколько привлекательным он получится).

Мы обнаруживаем, что в развернутой характеристике Штольца, данной в первой главе второй части романа, прямо сказано: *«Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе»; «больше всего он боялся воображения»* [Там же: 128]. Мы с удивлением видим, что Штольц, гордо преодолевающий моменты, «когда нить шнурка жизни начинает завертываться в неправильный сложный узел», не чуждается страхов, как и Обломов.

Далее удивление может усилиться, когда мы узнаем, что у Штольца и Обломова когда-то были общие мечты и жизненные планы: «служить, пока станет сил», насладиться оригиналами Рафаэля и Микеланджело, подышать воздухом Италии». *«Да, да, помню! – говорил Обломов, вдумываясь в прошлое, – ты еще взял меня за руку и сказал: «Дадим обещание не умирать, не увидавши ничего этого»*

[Там же: 143]. И Обломов когда-то говорил: «Вся жизнь есть мысль и труд». Впрочем, возможно, он подразумевал исключительно труд души, не требующий активных перемещений в пространстве. Разумеется, Штольц реализовал планы отрочества, узнав Европу и Россию как собственную вотчину, а Обломову так и не суждено будет уехать за границу.

Штольц, как известно, – антипод Обломова. Но стоит заметить, что общие мечты и планы соединяют их более крепкими духовными узами, чем вместе проведенное время и домашние задания, которые Штольц давал списывать Обломову.

В то время как узоры мечтаний Обломова становятся все более блеклыми, Штольц со свойственными ему целеустремленностью и упорством ищет естественные краски для собственного жизненного полотна. Когда Штольц, устав экономить движения души, дорос до чувства любви, он не смог миновать сферу мечтаний и грез. Он начинает мыслить почти по-обломовски поэтично: «...он не мечтатель; он не хотел бы порывистой страсти, как не хотел ее и Обломов, только по другим причинам. Но ему хотелось бы, однако, чтоб чувство потекло по ровной колее, вскипев сначала горячо у источника, чтоб черпнуть и упитаться в нем и потом всю жизнь знать, откуда бьет этот ключ счастья...» [Там же: 316]. «Он пророчески взглядывался в даль, и там, как в тумане, появлялся ему образ чувства, а с ним и женщины, одетой его цветом и сияющей его красками, образ такой простой, но светлый, чистый» [Там же].

Против воли, образ мечты обретает краски в воображении Штольца, и это дает удивительный результат: Как когда-то Обломов, Штольц становится творцом и исполнителем своих идей. «Как мыслитель и художник, он ткал ей (Ольге) разумное существование». Как Обломов, Штольц счастлив наполненной, волнующейся жизнью души. Жизнь Штольца и Ольги становится реализацией идеального жизненного плана Обломова: «Вставали они хотя и не с зарей, но рано; любили долго сидеть за чаем, иногда даже будто лениво молчали, потом расходились по своим углам или работали вместе, обедали, ездили в поля, занимались музыкой... как все, как мечтал и Обломов» [Там же: 351].

Как могло случиться, что идеалы Обломова воплотил Штольц? Почему ему удалось то, что не удавалось его другу? Почему Ольга выходит замуж не за Обломова, а за Штольца? Эти вопросы становятся вопросами домашнего задания для подготовки к следующему уроку.

Третий урок

«Выбор жизненной роли»

посвящен анализу образа Ольги Ильинской

Ольга молода, Штольц считает ее ребенком, она сердится, но, действительно, сознательная жизнь ее души начинается на наших глазах.

Как ни странно, мечты и планы Ольги оказываются на удивление книжными и, можно сказать, несамостоятельными. Ольга мечтает о том, как «прикажет Обломову прочесть книги, которые оставил Штольц», «заставит полюбить жизнь», «укажет

цель», сделает Обломову своим секретарем или библиотекарем.

В этих мечтах она себя видит целительницей, спасающей безнадежного больного, волшебницей, совершающей чудо пробуждения спящей души, кажется себе сильной и самостоятельной. «Ей нравились эта роль путеводной звезды, луча света, которой она разольет над стоячим озером и отразится в нем» [Гончаров: 161]. Больше всего Ольгу восхищает то, что это чудо совершит она, «которой до сих пор никто не слушался».

Автор показывает внутренний мир Ольги как загадку для нее самой и для других героев романа. Гончаров, создавая психологический портрет своей героини, не дает развернутых мечтаний, планов. Он предпочитает изображать поведение Ольги, передает, как изменится выражение ее лица, улыбка, взгляд. При этом можно только догадываться об истинных мотивах таких изменений.

Обломов в своих мечтах искренен и глубок, Штольц – прямолинеен и честен. Мечты Ольги – элемент игры. Ольга играет, и в этой игре постигает свойства собственной души. Ольга играет – в эту игру включается и Обломов.

Играет Ольга с удовольствием. То она кажется себе Пигмалионом (Обломову достается роль Галатеи), то ее улыбка напоминает Обломову чей-то портрет, то она не может отказать себе в удовольствии поиграть с Обломовым по-кошачьи. И Обломов видит в Ольге то Корделию, то героиню оперы «Норма», то ангела, то богиню гнева. Часто Обломов не может узнать Ольгу даже после минутной разлуки: так быстро и внезапно меняются ее лицо и голос.

Всезнающий автор подчеркивает, что бессознательно Ольга идет простым, природным путем жизни; в ней нет жеманства и кокетства, лжи и мишуры, она действительно напоминает любимую пушкинскую героиню. Но до тех пор, пока Ольга научится доверять своему внутреннему голосу, научиться быть сама собой, она будет поворачивать свои поступки, позы, взгляды с образцами, взятыми из книг или разговоров с таинственной Сонечкой. «У сердца, когда оно любит, есть свой ум, – возразила она, – оно знает, чего хочет, и знает наперед, что будет» [Там же: 201].

Гончаров тщательно прорисовывает преисполненный иллюзиями и заблуждениями процесс пробуждения чувства, процесс осмысления себя в жизни, процесс пробуждения любви. Самое ценное в этом действе – искренность интонаций. «Они не лгали ни перед собой, ни друг другу: они выдавали то, что говорило сердце, а голос его проходит через воображение».

Воображение Ольги рождает причудливые образы – роли, которые она примеривает к себе. Ее наивность и неопытность весьма трогательны, искреннее желание понять свою душу и душу другого человека естественно. Но процесс познания души Ольга превращает в игру, которая ей очень нравится. Она тщательно выстраивает мизансцены встреч с Обломовым; продумывает реквизит (ветка сирени, шарф, зонтик); слушая слова Обломова о любви, она рассеянно скользит взглядом по облакам и деревьям.

Не случайно знаком узнавания родственных душ для Ольги и Обломова становится оперная ария *Casta diva*, прекрасное произведение искусства, в котором «выпеваётся» одинокая душа. Роман Обломова и Ольги становится музыкальной вариацией на заданную тему.

Основной прием изображения психологического состояния Ольги – точное описание ее жестов, мимики, взгляда.

Взгляды Ольги обладают над Обломовым магической силой. Собственно, сама история их взаимоотношений начинается с того момента, как Обломов чувствует устремленный на него любопытствующий взгляд Ольги. (От смущения он захватывает и уничтожает целую кучу сухарей, бисквитов и кренделей). Взгляд Ольги неотрывно, как кажется, прикован к Обломову. Во время визита в театр Обломов обнаруживает, что Ольга смотрит на него даже в бинокль. Этот взгляд может быть добрым и казнящим, но всегда неизменно внимателен и строг. Ольге кажется, что она читает движения души Обломова, она наслаждается властью над ним, наслаждается тем, что может поставить его в тупик. Ольге нравится видеть Обломова буквально у своих ног. Настоячивое повторение мотива «герой у ног героини» создаст ощущение сентиментальной оперетки.

В центре урока – анализ эпизода встречи Обломова и Ольги. (XII глава 2 части романа).

Настроение героини меняется на протяжении сцены несколько раз, в диапазоне от радости до задумчивого уныния. С одной стороны, эти изменения настроения милы, с другой – это элемент игры, поиск нужной тональности разговора, который, как Ольга уже придумала, должен завершиться признанием в любви.

В то время как Обломов молчит, вздрагивает, мучительно подбирает слова, вздыхает, Ольга произносит заранее заготовленные фразы, мы узнаем из ее реплик, что Сонечка учила ее, как нужно вести себя с Обломовым. *«Мы зашли далеко, и выхода нет; надо скорей расстаться и замести след прошлого. Прощай! – сухо, с горечью, прибавила она и, склонив голову, прошла было по дорожке»* [Там же: 221].

Ольга ведет сцену, она засыпает Обломова вопросами: «Угадай, что я делала вчера?»; «А если я вдруг умру?»; «Еще что?»; «Ну?». Она провоцирует Обломова на признание, нетерпеливо дергает за рукав и даже крепко держит за оба борта сюртука. Сцена почти трагикомическая. Причем с точки зрения ее участников все происходит всерьез. Но комментарии автора делают очевидной искусственность и вычурность жестов и поз участников спектакля. В момент решающего объяснения в любви Обломов, как это и предполагает театральный и книжный ритуал, встает перед Ольгой на колени. *«Она молчала и отвернулась от него в противоположную сторону. «Ольга, дай мне руку! – продолжил он. Она не давала. Он взял сам и приложил к губам. Она не отнимала... он старался заглянуть ей в лицо – она отворачивалась все больше»* [Там же: 222].

В то время как отчаянно взволнованный Обломов вспоминает свою мечту о стыдливом согласии и слезах возлюбленной, Ольга неожиданно для него

спокойна: она давно предвидела объяснение и уже привыкла к этой мысли. Это изумляет Обломова.

В данной сцене автор ограничивается только краткими ремарками, показывающими последовательность действий героев. Психологически интерпретировать их можно по-разному.

Автор намеренно не рассказывает, что творится в душах героев. Он изображает жест, нуждающийся в расшифровке. Ольга отворачивается от Обломова – не хочет слушать? Или ей Сонечка сказала, что именно так следует принимать объяснение в любви? Или она повторяет жесты какой-нибудь литературной героини? А может быть, она не может смотреть в глаза Обломову, потому что уже чувствует в отношениях какую-то фальшь? (уже написано и прочитано письмо). Мы не узнаем, о чем думает Ольга, но пытаемся угадать ее душевное состояние и переживание по его внешним проявлениям.

В поисках ответа на вопрос, почему история любви Ольги и Обломова завершилась трагично, мы обычно отвечаем, что виной тому – «обломовщина», неумение героя принять реальность, страх перед жизнью.

Но можно говорить и о нечаянной вине Ольги. Вина ее в том, что, дитя сама, она пыталась играть несвойственную ей роль наставницы и руководительницы. Очень старательно пытаясь вжиться в эту роль, она не заметила, что играет роль мучительницы, а не спасительницы. Героиню можно простить. Она играла очень старательно и искренне. Так ли?

Если позволяет время, можно проанализировать письмо Обломова Ольге (X глава 2 части) – образец аналитического самоанализа почти в духе Лермонтова / Печорина. В письме Обломов разгадал Ольгу более правильно, чем она сама себя поняла.

Момент создания письма – один из немногих эпизодов сознательной, а не воображаемой жизни Обломова. И, как все подобные эпизоды, он переживается им очень болезненно: *«Он углубился в анализ своего счастья и вдруг попал в каплю горечи и отравился»* [Там же: 195]. Обломов начинает понимать: любовь Ольги – не настоящая любовь, *«Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее разворачивает его, любитесь, потом положит и забудет»* [Там же].

Обломов мог бы продолжать плести узоры иллюзорного счастья, но он не эгоист, любящий Обломов оказывается способным на подвиг самопожертвования. Письмо восстанавливает естественное положение вещей: более старший наставляет более младшего: *«Послушайтесь моей опытности и поверьте безусловно... Вам нельзя, а мне можно и должно знать, где истина, а где заблуждение, и вот я предостерегаю Вас: Вы в заблуждении, оглянитесь»* [Там же: 196].

Но, как и другие моменты сознательного пробуждения духа Обломова, этот завершается сладким вздохом. Обломов не в силах отказаться от пленительных иллюзий и, как мальчишка, начинает представлять, как Ольга получит письмо, а потом, словно играя в прятки, украдкой подглядывает, какое впечатление произвело его послание.

Гораздо позже свою каплю яда сомнений и страхов суждено будет испить и взрослеющей душе Ольги. Утешающий ее Штольц красноречив и патетичен: «Это грусть души, вопрошающей жизнь о ее тайне».

Мнение Штольца предсказуемо: вооружиться твердостью и терпеливо, настойчиво идти своим путем. Главное, судя по словам его, – обрести опору в жизни, выбрать свое поприще и... отказаться от поисков ответа на загадки жизни? Какой смысл в словах Штольца: «Мы не Титаны с тобой. Мы не пойдём, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова»? Были ли в жизни самого Штольца моменты борьбы с сомнениями?

Мы знаем, что Штольц сначала боялся бесплодных мечтаний, потом ему становилось страшно, когда он разгадывал тайну любви: «Он понял – это было ему чуждо доселе, – как тратятся силы в этих скрытых от глаз борьбах души со страстью, как ложатся на сердце неизлечимые раны без крови, но порождают стоны, как уходит и жизнь» [Там же: 317]. Но доступен ли Штольцу такой глубокий самоанализ, на который способен Обломов? Может ли он расти все выше и выше, как Ольга?

Гончаров показывает нам процесс взросления Ольги, но если история любви Ольги Ильинской и Ильи Обломова разворачивается перед нашим внутренним взором непосредственно, то о дальнейшей жизни Ольги и Андрея Штольца мы узнаем в пересказе повествователя. Мы узнаем, как меняются думы и сны Ольги. Будущее перестает ей казаться вечной сказкой, она дорастает до понимания смысла утрат и страданий: «Там она видела цепь утрат, лишений, омываемых слезами... снились ей болезни, расстройство дел, потеря мужа... Она содрогалась, изнемогала, но с мужественным любопытством глядела на этот новый образ жизни, озирала его с ужасом и измеряла свои силы. Одна только любовь не изменяла ей и в этом сне, она стояла верным стражем и новой жизни» [Там же: 359]. Мы можем вспомнить, что первый урок боли и страдания, не желая того, преподал Ольге Обломов.

Четвертый урок: «Солнце жизни»?

(Роль Обломова в жизни других героев романа)

Психологический парадокс характера Обломова заключается в том, что он – «вечное дитя» – помогал взрослеть другим. Вспомним оценку А.В. Дружинина: «Ребенок по натуре и по условиям своего развития, Илья Ильич во многом оставил за собой чистоту и простоту ребенка – качества драгоценные во взрослом человеке, качества, которые сами по себе, посреди величайшей практической запутанности, часто открывают нам образ правды...» [Дружинин: 123]. Как ни странно, но именно Обломов открывал сокровенные смыслы души и Штольцу, и Ольге, и Агафье Пшеницыной.

Духовный мир вдовы и хозяйки дома на Выборгской стороне – самая большая загадка для читателя. Эта женщина ничего не говорит, усмехается чему-то все время, и, кажется, главное ее достоинство – удивительные локти. Агафья щедра, она уго-

щает Обломова праздничными пирогами, заботлива, штопает знаменитый халат... она добра, окружает заботой и негой немисливо прекрасного барина, каким-то неведомым способом очутившегося у нее в комнатах.

Но чуткое сердце Обломова ощущает потоки светлого тепла души этой некрасивой и немногословной женщины. «Он сблизился с Агафьей Матвеевной – как будто подвигался к огню, от которого становится все теплее и теплее...» [Гончаров: 299]. Обломов чувствует себя рядом с ней спокойным и счастливым. «Его как будто невидимая рука посадила в тень от жара, под кров от дождя и ухаживает за ним, лелеет» [Там же: 300].

Гончаров не показывает нам жизненных планов вдовы Пшеницыной, не рассказывает о ее снах, грезах, мечтах. Мы все время видим Агафью в хлопотах по дому и кухне, и угадать в том, как она откусывает нитку или готовит лососину, движения ее мысли и чувства, конечно, нельзя. Значит ли это, что Агафья – личность приземленная, бездуховная? Н.А. Николина отмечает: «Имя Агафья вызывает ассоциации с древнегреческим словом агаре, обозначающим особый род деятельной и самоотверженной любви» [Николина: 204]. Можно сравнить эту позицию с мнением А.В. Дружинина, который называет Агафью Матвеевну «злым ангелом Ильи Ильича».

Рассказывая о жизни героев романа после смерти Обломова, Гончаров посвящает Агафье Матвеевне несколько удивительно поэтичных и трогательных строк: «Вот она, в темном платье, в черном шерстяном платке на шее, ходит из комнаты в кухню, как тень, ... и не по-прежнему смотрит вокруг беспечно перебегающими с предмета на предмет глазами, а с сосредоточенным выражением, с затившимся внутренним смыслом в глазах» [Гончаров: 378]. Этот внутренний смысл проявился после негромкого счастья, которое дала Агафье любовь к Обломову, и после молчаливо пережитого страдания по поводу его смерти.

Опыт любви и страдания дал возможность осмыслить жизнь: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь она уже знала, зачем она жила и что жила не напрасно» [Там же: 379].

Автор сам проговаривает новое содержание размышлений и переживаний героини, словно становится единственным поверенным ее тайны. В словаре домочадцев Агафьи нет слов для выражения сокровенных смыслов души, в ее словаре тоже нет этих слов, но горячие потоки ее слез гораздо более красноречивы.

Любовь Агафьи Матвеевны – материнская, оберегающая, охраняющая, безусловная. Она не такая яркая и требовательная, как любовь-долг, любовь-игра Ольги, но, скорее всего, Обломов именно в такой любви и нуждался.

Завершаем обзор романа размышлениями о том, как важно обрести свое «Я», встретить свою любовь и выбрать свой путь на поприще жизни.

Обломов десять лет готовился к поприщу и все стоял на краю арены. По данным словаря Даля, «поприще – место, пространство, на коем подвизаются или действуют; арена, сцена, ипподром, приспособленное место для бега, скачек, для ристалищ, игр, борьбы». Арена – «место для ристалищ, игр, борьбы». Обломов, по словам Гончарова, «и родился, и воспитан был не как гладиатор для арены, а как мирный зритель боя». В жизни всегда есть место и борцам, и зрителям, и деятельным натурам, и поэтам. Главное – не ошибиться в выборе своего пути, своей роли. Таков один из уроков романа «Обломов».

Подводя итоги изучению психологизма романа, можно сказать следующее: основной прием И.А. Гончарова – развернутый авторский комментарий к движениям души и мысли персонажей. При этом переживания и настроения героев изображаются, а не исследуются.

Обломов – герой самой богатой духовной жизни. Гончаров показывает процесс формирования мира творческой души, показывает, как возникает ритм дыхания этого мира, созвучный дыханию космоса и биению сердца. Мы видим, как пространство этого мира заполняется причудливыми образами мифов, сказок и снов. Мы становимся свидетелями трагической истории одиночества детской души в пространстве взрослого мира, требующего решительных действий.

Данные об авторе:

Мария Александровна Алексеева – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой филологии Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620137, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.

E-mail pfdrfal123@mail.ru

About the author:

Maria Aleksandrovna Alekseeva is a Candidate of Philology, Head Chair of the Specialized Education and Research Center (a School) of the Ural Federal University (Yekaterinburg).

Штольц – герой мысли. Осмыслить мудреные законы сердца помогает ему дружба с Обломовым и любовь к Ольге Ильинской.

Создавая женские образы, Гончаров использует, как правило, приемы косвенного психологического изображения, оставляя жизнь души героинь в поле смутных догадок, тайн и намеков.

Можно полагать, что подобная работа с текстом романа И.А. Гончарова «Обломов» не только подготовит десятиклассников к изучению произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, но и обогатит духовный опыт учеников.

ЛИТЕРАТУРА

Гончаров И.А. Обломов. – Л.: Наука, 1987.

Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. – СПб., 1859 // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 106–125.

Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, 2003.

Николина Н.А. Роман Гончарова «Обломов». Система имен собственных // Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. С. 201–208.

Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве: В 2 ч. Ч. 1. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.

Элиаде М. Космос и история: избранные работы. – М.: Прогресс, 1987.